

Виктор Белов

УПРАВЛЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕМ

Подлинные и мнимые
ценности русского народа

Теории манипулирования массами

Виктор Белов

**Управление мировоззрением.
Подлинные и мнимые
ценности русского народа**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2012

УДК 316.32
ББК 60.52

Белов В.

Управление мировоззрением. Подлинные и мнимые ценности русского народа / В. Белов — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2012 — (Теории манипулирования массами)

ISBN 978-5-903463-69-5

В своей новой книге автор, последовательно анализируя идеологию либерализма, приходит к выводу, что любые попытки построения в России современного, благополучного, процветающего общества на основе неолиберальных ценностей заведомо обречены на провал. Только категорический отказ от чуждой идеологии и возврат к основополагающим традиционным ценностям помогут русским людям вновь обрести потерянную ими в конце XX века веру в себя и выйти победителями из затянувшегося социально-экономического, идеологического, но, прежде всего, духовного кризиса. Книга предназначена для тех, кто не равнодушен к судьбе своего народа, кто хочет больше узнать об истории своего отечества и глубже понять те процессы, которые происходят в стране сегодня.

УДК 316.32
ББК 60.52

ISBN 978-5-903463-69-5

© Белов В., 2012
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2012

Содержание

Предисловие	6
1. Что есть человек – два ответа на один вопрос	10
1.1. Вторжение либерализма в традиционное общество	14
1.2. От эпохи Просвещения к сокрушительной победе либерализма в XX веке	17
1.2.1. Начало процесса отделения «света» от «тьмы»	17
1.2.2. Знание – сила, или «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй»	21
1.2.3. Конец истории	24
1.2.3.1. Три версии конца истории	24
1.2.3.2. Who is Who?	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктор Белов

Управление мировоззрением. Подлинные и мнимые ценности русского народа

Серия

Теории манипулирования массами

Предисловие

Прошло 20 лет с начала «шоковых реформ», радикально изменивших отношения в обществе и образ жизни людей, проживающих на 1/6 части суши земной поверхности. В отдельных случаях принудительно, а по большей части добровольно, эти люди покинули дорогу, по которой уверенно шагали до этого момента 70 лет и которую экономист Фридрих фон Хайек во время пожара Второй мировой войны назвал «дорогой к рабству». Следуя логике Хайека, 20 лет назад советский народ, сойдя с «дороги к рабству», ступил, очевидно, на дорогу, ведущую к свободе, проложенную просвещенной Европой. Что же принесла эта дорога народам бывшего СССР?

Окидывая беспристрастным взглядом путь, пройденный за эти 20 лет, взвешенно оценивая достижения вновь образованных государств и населяющих их народов, можно определенно утверждать, что либо Хайек что-то напутал и что-то не учел в своей работе, ставшей классической, либо мы снова шагаем в неверном направлении. Почти 70 лет назад Хайек утверждал, что «раскрепощенный дух свободы», сбросившей оковы «тоталитарного рабства», тут же неумоимо примется приумножать национальное богатство, с невиданной скоростью приближая народы к счастью и процветанию. Ничего подобного мы не увидели. Да, 0,00001 % населения РФ моментально приблизился к счастью из-за того, что овладел половиной и более всех богатств России (http://gazeta.aif.ru/_online/longliver/87/05_01). В отношении этих граждан страны Хайек оказался прав. Но что остается остальным? И как быть с тем фактом, что, вопреки утверждениям Хайека о необычайном раскрепощении творческой мысли и созидательной энергии «в условиях подлинной свободы», освобожденный «предпринимательский дух» в России, по непонятным причинам, фактически уничтожил высокоразвитый научно-технический потенциал бывшего СССР; доглы разорил и развалил реальное производство когда-то второй сверхдержавы мира, скромно довольствуясь при этом распродажей невосполнимых природных ресурсов, распоряжение которыми с начала «шоковых реформ» молниеносно перекочевало в его невидимые руки. Причем для подготовки к продаже этих ресурсов их новым владельцам не понадобилось даже ударять палец о палец – открытие, разработка месторождений, подвод коммуникаций, построение развитой инфраструктуры в суровых климатических условиях, проблемы отгрузки и транспортировки были полностью решены еще в советское время. Что же касается вклада в мировое развитие науки и техники, то доля сегодняшней России в общем объеме наукоемкой продукции мира за 20 лет снизилась в десятки раз. Судорожные потуги нынешнего российского руководства снова запустить механизмы инновативного развития страны, уйти от «сырьевого проклятия» и начать восстанавливать и развивать сектор реального производства, высокотехнологичные отрасли, пока безуспешны и ни к чему не привели, кроме неэффективного использования и откровенного разбазаривания огромных государственных средств.

Причин такого, мягко говоря, «неожиданного результата» реформ, конечно, много. К ним принадлежат и теоретические заблуждения самого Хайека, слишком уж идеализировавшего в свое время роль и свойства «спонтанного рыночного порядка» и полностью отказавшего самому человеку в праве построения справедливой, удобной для большинства членов общества экономики и социальной среды. Такую оценку учению Хайека, в частности, подтверждают уроки последнего мирового экономического кризиса, в результате которого лидерами развитых стран был предпринят ряд конкретных мер по ужесточению государственного контроля над деятельностью спекулятивно-финансового бизнеса. Те же руководители призвали мировое сообщество к активному вмешательству государств в распределение доходов крупного капитала с целью придания ему «человеческого лица». Но российские «реформаторы» построили стратегию проведения своих реформ именно на этом, не выдержавшим проверки

временем, оказавшимся ошибочным догмате нобелевского лауреата о невмешательстве государства в стихию свободного рынка, поэтому «достижениям» реформ не приходится особенно удивляться. Немаловажную роль в их провале сыграла также специфика менталитета народов России, заметно отличающая их, например, от тех же народов Европы. Но главная причина, по которой «шоковые реформы» положили начало затяжному, продолжающемуся и сегодня системному кризису в России, заключается, на наш взгляд, в том, что в России за это время произошла радикальная смена ценностей. Этой теме и посвящена книга.

Система ценностей, господствующая в государстве и обществе, несомненно, оказывает значительное влияние на состояние и качество тех скрепов-связей между людьми, которые и позволяют их крупные объединения называть обществом. Помимо этого, базовые ценности того или иного народа непосредственно определяют массовое сознание людей, преимущественное отношение их к тем или иным проблемам общества и отдельных его членов, формируют ментальность этих народов, расставляют их приоритеты. Поэтому вполне понятно, что радикальная смена базовых ценностей народа не может остаться незамеченной и пройти безболезненно; напротив, эта смена неизбежно обрушивает на общество огромный букет всевозможных кризисов, главным из которых является кризис национальной идентичности. Однако в сегодняшнем мире нет единого мнения по поводу того, считать ли потерю национальной идентичности за благо, относиться к ней как к неизбежности, сулящей где-то в отдаленной перспективе определенные преимущества, или же видеть в ней могильщика народов.

Наиболее остро проблема национального самосознания стоит сегодня перед народами России. Ученые-социологи оценивают современное состояние самоидентификации русского народа как критическое:

«...ни в одной стране мира не происходило столь стремительного и бесповоротного разрушения традиционного общества, как в России в XX веке; особенно это касается самих национальных основ жизни. И нынешние поколения русских едва ли не столь же далеки от своих культурных корней, как современные греки от великой Древней Греции».

Но хорошо это или плохо, оказаться очень далеким от своих корней в эпоху бурных перемен, взрывного роста коммуникаций на всех уровнях, в век глобализации и невиданного научно-технического прогресса? Быть может, лучше выработать какие-то универсальные ценности общего применения и повсеместно распространить их в мире, чтобы облегчить народам и их представителям контакты друг с другом, создать единые для всех структуры управления и развития общества, чем постоянно сталкиваться с проблемами нестыковок разных наборов ценностей? Как в целом скажется на мировом обществе и на каждом народе в отдельности внедрение в мировом масштабе стандартного набора ценностей? Как изменится нравственный климат этих обществ? Смогут ли люди из разных уголков земли стать равноправными гражданами мира? И, вообще, какое будущее ожидает народы мира в случае сведения их всех в единую гомогенную человеческую цивилизацию?

К сожалению, получить ответы на эти вопросы в строго очерченных рамках научного знания не представляется возможным по той простой причине, что все эти вопросы и ответы на них предусматривают учет не только психологического фактора, но и целого ряда нравственных категорий, таких как любовь, сострадание, милосердие, совесть, честность, правдивость, скромность, которыми наука вообще не оперирует. Помимо этого, наука, как правило, исследуя то или иное явление, описывая его структуру и свойства, ограничивается определением его утилитарной, практической значимости для человека. Этическую сторону проблемы использования собственных открытий сама наука никогда не рассматривала и не относилась к объекту своих исследований. Таким образом, наука, отвечая на частный вопрос – полезно или бесполезно изучаемое ею явление, в принципе не может ответить на самый общий вопрос – хорошо

это или плохо, с которым в свое время блестяще справился крошка-сын с папиной помощью в известном стихе поэта Маяковского.

Наиболее близкой к заявленной теме книги наукой является аксиология – наука о ценностях. Как следует из самого названия этой науки, непосредственным объектом ее исследования как раз и являются ценности. Но, опять-таки, эта наука, погружаясь в мир ценностей, исследуя их природу, структуру и взаимосвязи, практически не занимается вопросами изучения непосредственного влияния конкретного ценностного ряда на тот или иной народ. Из этого следует, что ключевой вопрос ценностной проблематики – как может сказаться тот или иной набор базовых ценностей на образе жизни, поведенческих стереотипах, социальных связях и нравственных установках определенного народа и отдельных людей – в рамках научного знания остается без ответа.

Перечисленные выше проблемы имеют огромное значение для любого общества, т. к. в конечном счете именно от вариантов их решения зависит отношение людей и целых народов к окружающей их действительности, что, в свою очередь, во многом определяет направление стратегического развития страны. Поэтому заявленные нами вопросы требуют ответа вне зависимости от того, способна ли нам помочь в этом важном деле современная наука или нет. Первостепенное значение имеют эти вопросы и получение вразумительных ответов на них для русского народа, для которого XX век оказался веком смуты, разлада и глубочайших потрясений. Какой набор ценностей мог бы стать для русских людей в XXI веке оптимальным, гарантирующим по крайней мере на ближайшее столетие мир и согласие, и одновременно исключая любую возможность новых потрясений? Поиск доходчивого и убедительного ответа на этот вопрос и будет являться целью нашей работы. Цель определена, но с помощью каких подходов и методов, кроме научных, мы сможем ее достичь?

К счастью, помимо чисто научного знания, человечество располагает и другими типами знаний. К ним относятся традиционное знание, жизненный практический опыт, обычный житейский здравый смысл с его представлениями о добре и зле, справедливом и должном. Именно с их помощью мы и попытаемся ответить в этой книге на поставленные нами вопросы, разумеется, подкрепляя наши доводы привлечением как обширной доказательной базы, включающей выдержки из работ классиков философии, экономики и социологии, так и основываясь на собственных наблюдениях и опыте.

Как уже было сказано выше, человечество пока еще не ответило на вопрос, существует ли в природе некий универсальный набор общечеловеческих ценностей, который смог бы явиться полноценной заменой существующему сегодня многообразию традиционных национальных ценностей народов мира. Не исключено, что такого устраивающего всех комплекта ценностей вообще быть не может, и мечты отдельных представителей рода человеческого о возможности синтеза стандартной системы ценностей относятся к разряду утопий. И все же, несмотря на задержку с получением ясного, недвусмысленного ответа на этот вопрос, в мире уже нашелся соискатель, претендующий на занятие трона в мировом царстве ценностей. Мы имеем в виду либерализм и сопутствующие ему ценности. В 1992 году Френсис Фукуяма опубликовал книгу под названием «Конец истории и последний человек». В ней утверждается, что в мире уже состоялся консенсус по поводу признания либеральной идеологии, а, значит, и соответствующей ей системы ценностей, де-факто главенствующей во всем мире, как проверенной временем и лишенной фундаментальных внутренних противоречий.

Однако тот же Фукуяма, на страницах все той же книги приводит многочисленные примеры противоречий либеральной системы ценностей, которые внимательному читателю красноречиво говорят о том, что автором этой книги многое желаемое выдается за действительное. Либеральная система ценностей и основанное на них либеральное мировоззрение, на наш взгляд, весьма далеки от того идеала, который им приписывается Фукуямой и многими другими авторами. Поэтому, помимо ответов на вышеупомянутые вопросы, одной из

целей данной книги является выявление тщательно затушевываемых апологетами либеральной идеологии ее недостатков и противоречий, которые могут негативно влиять на социально-экономическое и политическое развитие общества.

Книга состоит из трех частей, которые выстроены в соответствии с гегелевской триадой: тезис – антитезис – синтез. Соответственно, в первой части рассматривается либерализм и либеральное мировоззрение как мировое явление с главными этапами его становления и развития; дается краткая характеристика его основных видов и направлений; подробнее рассматривается последняя версия либерализма – неолиберализм. Во второй части книги на примере двух вторжений либеральных ценностей в российское общество показан комплекс проблем, противоречий и негативных последствий, с которыми неизбежно сталкивается народ при попытке революционной смены собственных традиционных ценностей на заимствованные. В третьей части книги приводится возможный вариант основного набора ценностей для русского народа, имеющий решающее значение для преодоления кризиса национальной идентичности и формирования у большинства людей устойчивых мировоззренческих установок, способных сплотить сегодняшнее предельно разобщенное русское общество. Обоснование предложенного набора ценностей базируется на материале первых двух частей.

1. Что есть человек – два ответа на один вопрос

Январь 2010 года, передача «Клинч» на радиостанции «Эхо Москвы». В студию приглашен некто А. Никонов, который до того удивительным образом получил практически неограниченный доступ к ведущим российским СМИ для пропагандирования своей новой идеи. Идея эта звучала убийственно просто: предлагалось родителей, имеющих детей-инвалидов, наделить правом лишения таких детей жизни, с оговоркой, что речь идет о тяжелых и на данный момент неизлечимых недугах. По итогам дискуссии, в пользу такого государственного установления высказалось 26 % слушателей программы, 33 % было против, остальные не определились с ответом.

Спустя две недели на этой же студии произошла другая дискуссия, темой которой был вопрос – допустимо ли в эфире широкое обсуждение любых проблем общества, или же общество должно установить определенные ограничения на публичные дискуссии по некоторым из них, полностью передоверив их изучение и решение по ним узкому кругу специалистов. В ходе жаркого спора в студии выяснилось, что в результате громкого обсуждения в российских СМИ заглавной темы предыдущей передачи произошел трагический случай – женщина, воспитывавшая ребенка-инвалида, покончила с собой после того, как ее словоохотливая соседка поведала ей содержание ведущейся в СМИ полемики. В итоговом голосовании этой передачи голоса слушателей разделились примерно пополам.

Характерной особенностью обеих передач было то, что позиция противоборствующих сторон была бескомпромиссно-непримиримой на протяжении всего времени обсуждения, до самых последних минут. Не наблюдалось даже малейшего сближения позиций обеих сторон. То же самое повторилось и в комментариях слушателей по этим темам на интернетовском форуме радиостанции. Было очевидно, что, несмотря на свободную атмосферу дискуссии, возможность плыть по волнам высказываемых мнений в любом направлении, спорщики на самом деле стоят как бы на могучих подводных скалах, которые не позволяют им сдвинуться с места ни на йоту в сторону сближения с позицией противной стороны.

Аргументация этих двух четко оформившихся в ходе дискуссии групп в общем случае выглядела следующим образом.

Группа «против ограничений»: запретных тем не должно быть, СМИ должны иметь неограниченное право предоставления трибуны кому угодно, хоть фашисту, хоть маньяку-извращенцу, для возможности свободного изложения любых проблем и мнений, а общество, в свою очередь, должно решать, что хорошо, а что плохо. Ничем и никем не ограниченный свободный обмен мнениями есть важнейшее условие гармоничного развития общества.

Группа «за ограничения»: СМИ не должны иметь права ведения в эфире открытых дискуссий на такие темы, как, например, наркомания, педофилия, торговля человеческими органами и т. п., если эти дискуссии предусматривают предоставление слова для изложения своей позиции сторонникам или представителям этих антиобщественных явлений. Немалое число приверженцев группы «за» предлагало ввести государственный контроль над соблюдением ограничений на публичное обсуждение подобных тем в виде старой доброй цензуры, деятельность которой также, по замыслу этих корреспондентов, направлялась бы исключительно на благо развития общества.

При чтении комментариев, поступивших от представителей первой группы, невольно на ум приходил образ доктора Фауста с его пламенной страстью к овладению истинным, до самой последней крупинки, знанием, за которое он был готов продать свою бессмертную душу дьяволу. Во всех откликах, поступивших от этой группы, явно присутствовала неутоленная жажда героя Гете.

Противоборствующая сторона, в отличие от любознательного доктора Фауста, заключившего сделку с Сатаной, даже не пыталась ставить вопрос «а почему, собственно, нельзя?». Эта группа слушателей явно не желала обращаться к «магии знания», чтобы «явившийся дух» открыл им «тайну бытия».

Один из участников форума, представитель этой группы, высказался так:

«Нельзя читать чужие письма! Почему? Да нипочему. Нельзя и все. Нельзя убивать! Почему? А нипочему. Нельзя и все. Нельзя никем жертвовать! Почему? А нипочему. Нельзя и все».

После ознакомления с категорически непримиримыми позициями дискутирующих сторон неизбежно возникал вопрос – откуда в одной группе наших современников взялась эта яркая убежденность в том, что для пытливого человеческого ума не должно существовать никаких запретов, что он имеет право и должен познать «все тайны мироздания», на все вопросы найти рациональные ответы, диктуемые разумом и выгодой; а в другой группе наших же современников вдруг явно проступает непоколебимая вера в то, что есть в этой жизни святые, неприкосновенные понятия, своего рода табу, которые нельзя измерять в сугубо научных категориях «чистого разума», которые не подлежат никаким обсуждениям и которые, как неизменяемая, вечная данность, существуют сегодня и существовали всегда.

Мои поиски ответа на этот вопрос оказались недолгими, и вот он, перед вами.

Те скалы, на которых стояли спорщики, огромны, монолитны и неподвижны, и им не дано ни сойтись ни даже приблизиться друг к другу хотя бы чуть-чуть. Эти скалы представляют собой две непримиримые мировоззренческие системы, которые сложились на протяжении многих веков существования человеческого общества и которые лежат в основе большинства прошлых, нынешних и будущих проблем и конфликтов человечества.

Первая, старейшая из этих двух мировоззренческих систем, насчитывающая тысячелетия своего существования – это традиционная, или консервативная система, по которой жизнь каждого человека безоговорочно признается священным даром Создателя. Человек в этой системе является творением Бога, созданным по его образу и подобию. Эта система устанавливает незыблемые нравственные ценности, в том числе и неотъемлемое право любого человека на жизнь и счастье, которое может быть достигнуто только в результате постоянного духовного труда, согласного божьему Завету. Человек объявляется этой системой венцом творения, центром вселенной и только в нем самом, в совершенствовании его внутренней природы, его души, находится ключ к достижению счастья и гармонического развития всего человеческого общества. Традиционное мировоззрение требует неразрывности общества – с одной стороны, оно обязывает каждого члена общества непрерывно и индивидуально бороться с собственными слабостями и грехом, с другой стороны оно призывает всех членов общества ежедневными совместными усилиями стремиться к духовному совершенству, в добровольно-принудительном порядке увлекая за собой и заблудшие души.

Вторая мировоззренческая система – либеральная, насчитывает всего несколько сотен лет. Эта система утверждает исключительно материальную природу человека и видит в нем всего лишь одну из многочисленных форм жизни, существующих на земле. «Люди, как и их братья-животные – дети нашей матери-природы». Соответственно, ключ к решению всех проблем человека эта система видит в изучении и изменении окружающей его среды так и таким образом, чтобы он смог полностью реализовать данные ему природой индивидуальные силы и возможности для обеспечения себя комфортными условиями обитания. Точно также с рациональной точки зрения либерализмом рассматривается и само сообщество людей. Поэтому либеральная система, как правило, обращается к человеку индивидуально, имея в виду то обстоятельство, что разные люди изначально наделены природой разными способностями. Соответственно, люди различных способностей объективно имеют неодинаковые шансы на счастье и благополучие в этой жизни, что предопределено уже с момента их рождения. Снять

все ограничения, способные помешать самореализации богато одаренных индивидуумов, – вот цель, к которой должно стремиться человечество в поисках единой, универсальной, рационально выстроенной системы правовых, социально-экономических и прочих отношений в обществе.

Даже из этих далеко не полных определений следует, что, хотя обе системы в конечном счете, декларируют одну и ту же цель – гармонично развитое, счастливое человеческое общество, но пути достижения этой цели у систем совершенно разные. Больше того, первая мировоззренческая система является полным отрицанием второй, и наоборот, поскольку стремление к идеалам духовного совершенства абсолютно несовместимо с расчетливым рационализмом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что нашим соотечественникам в ходе их жаркой дискуссии так и не удалось найти точек соприкосновения и тем более взаимопонимания, точно так же, как их не удавалось найти представителям традиционализма и либерализма на протяжении нескольких последних веков. В этом смысле, начиная с нового времени (XVII век), вполне допустимо представлять историю развития человеческого общества, как историю состязания и даже борьбы двух основополагающих идей, двух философско-мировоззренческих систем – традиционной и сравнительно новой – либеральной.

Как уже было сказано в предисловии, мировоззренческие установки и связанный с ними определенный набор ценностей в определенной мере ответственны за поведение человека и оказывают несомненное влияние на его реакции и выбор решений. Там же было отмечено, что проблема определения различий поведенческих стереотипов конкретного человека в зависимости от его мировоззренческих установок представляет собой очень сложную и трудно поддающуюся изучению, анализу и решению задачу. Какое влияние оказывает тот или иной набор ценностей, связанных с определенной мировоззренческой системой, на образ жизни и мысли, на совершаемые человеком поступки? Почему сознание одних людей воспринимает любую человеческую жизнь как высшую ценность, святыню, насилие над которой является ничем не оправданным преступлением, святотатством? И почему сознание других людей позволяет рассматривать судьбы и жизни их сородичей в категориях «нужно – ненужно», «полезно – бесполезно»? И вообще, по какому праву вторая группа людей берет на себя смелость решать и утверждать, что кто-то из окружающих их людей достоин жизни, а кто-то нет?

В традиционной мировоззренческой системе обычный человек, обыватель был категорически лишен права решать вопросы жизни и смерти, даже если речь шла о его собственной жизни. Этим правом в традиционализме обладал только Господь Бог, а из смертных – только помазанник божий. Появившийся пару столетий назад либерализм, отказавшись от многих ценностей традиционализма, нарушил и это табу, наделив и обычного человека в определенных обстоятельствах правом распоряжаться судьбами и даже жизнями других людей. Так что же такое есть этот либерализм? Где, как, посредством каких тонких инструментов, с помощью каких коварных ухищрений ему удалось убедить очень многих представителей рода человеческого, что они вправе распоряжаться другими жизнями, или, по крайней мере, оставаться совершенно равнодушными к чужим бедам и горю? Какие ценности и каким образом либерализм сумел внедрить в массовое сознание миллионов людей, что многие из них стали преследовать в своей жизни совсем другие цели, чем те, которые преследовали их родители; почему их поступками вдруг стали двигать совершенно иные мотивы? Ответы на эти вопросы для нас важны хотя бы потому, что экспансия либерализма, успешно продолжавшаяся весь XX век, продолжается и теперь. Чтобы дать достоверную оценку такому сложному, многообразному, порой противоречивому явлению, как либерализм, выявить явные и скрытые механизмы его влияния на основные мотивы поведения человека, нам нужно как можно глубже погрузиться в целый комплекс морально-этических, культурноисторических, социально-экономических, и, наконец, политических норм, установлению которых человечество обязано либерализму. А для этого нам придется с головой окунуться в историю его возникновения и развития, рас-

смотреть его внутреннее строение, составные части, его главные виды, а также подвиды. И самое главное – мы должны по возможности точнее определить те следствия, те результаты воздействия либерализма и присущих ему ценностей на человеческое общество, которые способны изменить отношения в обществе, укрепить или ослабить социальные связи в нем, существенно преобразить моральный климат. И, наконец, мы должны ответить на вопрос – либерализм такой, какой он сегодня есть, это хорошо или плохо?

1.1. Вторжение либерализма в традиционное общество

На протяжении всей истории своего существования, в самых изолированных, далеких от исторических цивилизаций племенах и народах, включая самые малочисленные, человеческое общество никогда не было стадом диких животных – человек всегда жаждал найти идею для оправдания своего существования, всегда нуждался в обладании законченной картиной мира, опирающейся на логично выстроенное, неразрывное мировоззрение. Эту жажду овладения «тайной мироздания» он удовлетворял созданием различных мифологических, этических, философских, религиозных систем, которые призваны были, во-первых, доступно объяснить происхождение природы и самого человека, а во-вторых устанавливали бы определенные правила, способные регулировать отношения в обществе самих людей. Невозможно себе представить человеческое общество, даже самое примитивное, без существования общей для всех мировоззренческой системы. Другими словами, наличие такой целостной мировоззренческой системы является необходимым условием существования любого сообщества людей. Это правило действительно и для первобытного общества, с его тотемизмом и поклонением духам огня, воды и прочих сил природы, это же правило сохраняется и для поздних, более сложных по структуре и строению человеческих обществ. Более того, в поздних, высокоразвитых государствах с жестко действующей централизованной системой власти актуальность обладания государством и его подданными единой, общепризнанной мировоззренческой платформой неизменно повышается.

До появления на международной арене в XVI–XVII веках либерализма в качестве реально действующей идейнополитической силы в мире монопольно властвовала традиционная мировоззренческая система, корнями уходящая в традиционные мифологически-религиозные представления разных народов о себе и об окружающем их мире.

Как правило, каждый народ располагал своим собственным пантеоном богов и святых, но общим местом практически всех верований и религий был миф о божественном происхождении человека. Зороастризм, например, утверждает, что человек создан святейшим божеством Ормуздом, олицетворяющим светлое начало мира; в христианстве, иудаизме, исламе человек также является произведением Творца, создателя всего сущего. От начала человек был создан Богом как свободное существо, но, злоупотребив своей свободой, человек поддался соблазну, и, обладая свободой выбора, он выбрал путь, противный воле Бога. Совершив первое грехопадение, человек стал рабом своих желаний и, таким образом добровольно отказавшись от Завета Бога, потерял свою свободу и счастье. Спасение человека, т. е. возврат к счастью и свободе может состояться опять-таки только по его воле, и только в случае, если он искренне раскается в совершенном грехе и вернется на путь, указанный Богом в его Откровениях. Однако обретение совершенного и вечного счастья человек, как правило, мог достичь только после своей физической смерти – на небесах.

Разумеется, практически во всех формах человеческого общества, основанных на традиционном представлении о мире, неизбежно возникала особая каста, т. е. группа соплеменников, которая всеми доступными средствами присваивала себе монопольное право общения с высшими духами и богами. Попутно эта группа развивала и укрепляла в сознании своих современников господствующую в данном обществе картину мира. Эти медиумы – шаманы, жрецы, священники – неизменно удостаивались особого положения и особых почестей во всех традиционных обществах, они пользовались непререкаемым авторитетом, их слово приобретало силу закона.

Одновременно в традиционном обществе почти всегда существовали люди или группы людей, которые не без оснований сомневались в правомерности занятия медиумами их высокого положения. Будучи последовательными, эти люди не слишком доверяли и декларируе-

мой медиумами картине мира, соответствующему ей жизнеустройству. В результате возникали оппозиционные настроения, крамольные мысли и идеи, в которых критиковался существующий порядок вещей и осторожно предлагались другие правила организации человеческого общества, основанные на иных представлениях о мироздании.

Достаточно вспомнить древнеегипетскую «Песнь арфиста», взгляды на устройство Вселенной древнегреческих философов – Гераклита, Демокрита, Эпикура, чтобы согласиться с утверждением, что инакомыслие, противостоящее официальному традиционному мировоззрению, существовало всегда, с самой глубокой древности. Оно, как правило, обращалось к каждому слушателю индивидуально, и в конечном счете, отталкиваясь от отрицания загробной жизни, идеализма, переходя на позиции материализма, сводилось к хорошо известному нашим современникам призыву – бери от жизни все, что можешь. «Пируй себе в удовольствие, пока жизнь твоя длится» – «Песнь арфиста», «лови день» – Эпикур, *Carpe diem* – «хватай день» – Гораций. Это отношение к жизни коренным образом противоречило традиционной системе ценностей, которая всегда определенным образом ограничивала человека в его устремлениях к наслаждениям жизни, угрожая особенно легкомысленным Страшным судом.

«Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд».

Екклесиаст, 11 -9

Очевидно, что инакомыслие Античности и Средних веков не сводилось только к призыву «ешь, пей, веселись». В течение многих веков, благодаря усилиям многих философов, оно приобретало законченные формы в виде различных философских, этических учений. Уже тогда прозвучали основные либеральные идеи – ограничение всевластия религиозных институтов, наделение человека абсолютной свободой для решения собственной судьбы.

«Скудость познания мысль беспокоит тревожным сомнением.

Именно: было иль нет когда-то рождение мира,

И предстоит ли конец, и доколь мироздания стены

Неугомонный напор движения выдержать могут...»

Лукреций «О природе вещей»

«...благодаря ему я <...> возымел представление о государстве, с законом, равным для всех, где признаются равенство и равное право на речь; также о единодержавии, которое всего более почитает свободу подданных».

Марк Аврелий «Размышления», Первая книга – 14

«О небо, к подлецам щедра твоя рука:

Им – бани, мельницы и воды арыка;

А кто душою чист, тому лишь корка хлеба

Такое небо – тьфу! – не стоит и плевка».

Омар Хайям «Рубаи», стих 143

Начиная с деизма, либеральное еретичество получило развитие в многочисленных формах атеизма и логически завершилось материализмом. И всегда, во всех своих формах либеральное инакомыслие ассоциировалось его приверженцами с новизной и свободомыслием, автоматически придавая тем самым всем оппозиционным традиционализму идеям пьянящий аромат прогрессивности, выгодно отличающийся от замшелых запахов традиционных норм и догм. Однако в те времена либерализм еще не имел своего сегодняшнего названия и основа-

тельной теоретической базы, поэтому весь этот продолжительный период подпольного (внегосударственного) развития либерализма, начиная с Античности и заканчивая началом Нового времени, можно обозначить в нашей теме как период латентного, или неосознанного либерализма.

Эпоха Великих географических открытий нанесла сильнейший удар по традиционному взгляду на мироустройство и явилась мощным толчком для бурного развития научного знания. Коперник, Галилей, Джордано Бруно, Рене Декарт и множество других «вольнодумцев» в значительной степени пошатнули опоры старого миропорядка. Под натиском новых открытий и дерзких гипотез закачалась устои традиционного мировоззрения, до того казавшиеся незыблемыми. Соответственно, передовыми людьми того времени стали подвергаться ревизии основы традиционного общества. Однако мечты вольнодумцев об устройстве нового общества, построенного на новых принципах, свободных, прежде всего, от религиозной догматики, могли на века так и остаться утопиями, если бы не некоторые особенности самой церкви, точнее римско-католического варианта христианства, безраздельно воцарившегося в тот период в Западной Европе.

Иерархи католической церкви, призывая простых людей к отказу от приобретения и накопления земных ценностей в пользу гарантированного обретения райской загробной жизни, своей практикой доказывали прямо противоположное. Лицемерно призывая паству к нестяжательству, католическая церковь в то же время неумолимо собирала ценности земные. Она владела третью сельскохозяйственных земель Западной Европы, которые возделывались подневольным трудом собственных крепостных крестьян. Прочие крестьяне облагались церковной десятиной и другими поборами. Некоторые иерархи католической церкви нашли возможным выгодно торговать святостью христианских мучеников путем продажи индульгенций, используя, таким образом, свое монопольное положение посредника между мирянами и Богом в чисто коммерческих целях. В 1439¹ ОДУ римско-католическая церковь ввела догмат о Чистилище, согласно которому душа умершего грешника, перед тем как попасть в ад на вечные муки, находится неопределенное время в некоем переходном пространстве, находящимся между раем и адом. Ее дальнейшая судьба напрямую зависела от оставшихся на грешной земле живых родственников. Будут эти родственники усердно за нее молиться, будут достаточно щедры в пожертвованиях местным приходам – место в раю грешной душе обеспечено. Эти и другие злоупотребления католических священнослужителей, диктаторское всевластие католической церкви в мирских делах – все это сыграло роль детонатора в кризисный момент западноевропейской истории. Задавленная инквизицией, экономическим и политическим гнетом римско-католической церкви, Западная Европа в начале XVI века взорвалась протестантской революцией. Именно в этот момент заканчивается латентный период существования либерализма.

Начало Реформации, как и начало почти всех революций, ознаменовалось кровопролитными войнами, потрясшими всю Западную Европу до основания. Первая передышка наступила в 1555 году, когда противоборствующими сторонами был заключен Аугсбургский религиозный мир, по которому были установлены гарантии свободы вероисповедания для князей. Для их подданных был выработан простой принцип – «чья власть, того и вера». Таким образом, впервые в истории человечества традиционное мировоззрение лишилось своего монопольного положения в цивилизованном обществе и в добровольнопринудительном порядке согласилось с официальным существованием альтернативных мировоззренческих платформ. Можно утверждать, что подписанием этого акта фактически был дан старт бурному процессу разработки новых учений и доктрин о месте человека во Вселенной и о развитии человеческого общества вообще. И почти во всех этих новых учениях либеральным идеям уделялось значительное место. Другими словами, Аугсбургский мир устранил последние формальные препятствия на пути проникновения либерализма в западноевропейскую идеологию и политику.

1.2. От эпохи Просвещения к сокрушительной победе либерализма в XX веке

1.2.1. Начало процесса отделения «света» от «тьмы»

Победоносное шествие либеральной мировоззренческой системы по планете началось в недрах вновь образовавшихся в результате Реформации многочисленных протестантских движений и сект. Ключевой работой, подробно описывающей этот процесс, несомненно, является работа Макса Вебера под общим названием «Протестантская этика и дух капитализма». Ключевой эта работа является потому, что в ней Макс Веберу удалось раскрыть удивительную загадку Реформации – как и каким образом основополагающие ценности традиционного общества – нестяжательство, бескорыстие, обязанность творить добро для ближних и даже для врагов, трансформировались за относительно короткий промежуток времени в свою противоположность – корысть, крайний эгоизм и всепоглощающую алчность, которые до той поры представлялись цивилизованному человечеству пределом аморальности, тяжким грехом.

«*Summum bonum*¹ этой этики прежде всего в наживе, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов: эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к счастью или пользе отдельного человека. Теперь уже не приобретение служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретение, которое становится целью его жизни».

Макс Вебер «Протестантская этика и дух капитализма»

Первоначально эта неожиданно появившаяся «жажда наживы» по Веберу носила исключительно религиозный характер, возникший на основе вновь изобретенного протестантским движением догмата о предопределенности. Согласно нему, все люди от рождения уже поделены Богом на «избранных», которые обречены в загробной жизни на вечное блаженство, и «отверженных», которым были уготовлены вечные муки в аду. Тайна «избранничества», по догмату, не могла быть раскрыта на протяжении всей жизни. Успешность в мирских делах и представлялась захваченным ею людям единственно возможным средством доказать, что именно они являются божьими избранниками. Поэтому ревностные последователи новых реформаторских учений все свои силы души и тела быстро перенацелили с поиска духовных ценностей на небе на приобретение конкретных мирских ценностей на земле, а именно на достижение высокого положения в обществе с помощью тривиального богатства – чем больше, тем лучше. Одновременно все тот же преобладающий догмат реформаторских церквей и сект о предопределенности моментально рассыпал традиционное общество на независимые друг от друга индивиды, человеко-атомы.

«Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме – вечном блаженстве – он был обречен

---

¹ Высшее благо (лат.)

одинок брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе. Никто не может ему помочь. Ни проповедник – ибо только избранный способен *spiritualiter*² понять слово Божье. Ни таинства – ибо установленные Богом для умножения силы его и потому незыблемые таинства не являются средством к спасению, и субъективно они – лишь *externa subsidia*³ веры. Ни церковь...».

Макс Вебер «Протестантская этика и дух капитализма»

Однако строгая духовная основа протестантизма существовала недолго. На всем пространстве Западной Европы и

Северной Америки она была вскоре смята бурным дальнейшим развитием идей либерализма в эпоху Просвещения и сопутствующей ему решительной победой капиталистических отношений в экономике этих стран, сохранившись в неизменном виде только в отдельных сектах пуритан и баптистов.

«Капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения и видит в любом влиянии церкви на хозяйственную жизнь (в той мере, в какой оно вообще ощутимо) такую же помеху, как регламентирование экономики со стороны государства. «Мировоззрение» теперь, как правило, определяется интересами торговой или социальной политики. Тот, кто не приспособился к условиям, от которых зависит успех в капиталистическом обществе, терпит крушение или не продвигается по социальной лестнице. Однако все это – явления той эпохи, когда капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему больше опору».

Макс Вебер «Протестантская этика и дух капитализма»

Творцам нового, «капиталистического» взгляда на мир, начиная от Френсиса Бекона, с его знаменитым афоризмом «знание – сила» и кончая Вольтером и Руссо, удалось, наряду с подробной разработкой таких либеральных понятий, как неприкосновенность личности и собственности, «общественный договор», «народный суверенитет», обосновать и утвердить в обществе основополагающую идею либерализма, согласно которой только рациональное знание имеет право на существование. Все другие формы знания – традиционное, религиозное, обычный житейский здравый смысл – беспощадно ими высмеивались и отвергались. Это новое установление явилось революционным призывом для радикального изменения основ существовавшего до сих пор человеческого общества и сыграло важнейшую роль в дальнейшем развитии европейской цивилизации. Рационализм науки был непримиримо противопоставлен просветителями иррационализму церкви и провозглашен ими как единственный достоверный источник знания, на основе которого и должно было строиться новое справедливое и гуманное общество.

«Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т. е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению. <...>

Те длинные цепи выводов, сплошь простых и легких, которыми геометры обычно пользуются, чтобы дойти до своих наиболее трудных доказательств, дали мне возможность представить себе, что и все вещи, которые могут стать для людей предметом знания, находятся между собой в такой же

---

² Духовно (лат.)

³ Последнее прибежище (лат.)

последовательности. Таким образом, если воздерживаться от того, чтобы принимать за истинное что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдаленных, чтобы они были недостижимы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было их раскрыть».

Рене Декарт «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках»

Однако Декарт в своем стремлении к истине все же не посмел покуситься на устои – одновременно он утвердил в указанной работе несколько правил морали, среди которых первым было правило неотступной приверженности религии. Традиционные основы нравственности, заложенные религиозными догмами, последовательно разрушали другие мыслители Просвещения – Спиноза, Юм, Мелье, Гельвеций, Дидро, Вольтер. Они едко потешались над содержанием Библии, пылко доказывали вредность любой религии для национального блага и в завершении объявляли человеческий разум единственным существующим высшим судьей и мерилем всего. При этом некоторые из них, например, Вольтер, все-таки милостиво соглашались с необходимостью существования традиционной религии, но только с целью «обуздания черни». Так или иначе, существовавшие до эпохи Просвещения высокие нравственные нормы, опиравшиеся на традиционную мораль религиозных институтов и народные обычаи, были подвергнуты просветителями резкой критике и отброшены за ненадобностью. Вместо традиционного Бога ими был провозглашен «Мировой Разум», олицетворявший единство и естественную рациональность Вселенной. Все тайны Вселенной стали представляться просветителям вполне постижимыми, но не с помощью религиозного знания и опыта, а с помощью знания научного и эмпирического опыта. Началась эра торжества естественных наук. Отказавшись от классического устройства традиционного общества с его богопомазанниками, сословностью, иерархией и основанного на обязательных религиозных догматах, элита Запада принялась искать новые, рациональные, «правильные» принципы построения человеческой жизни, основанные исключительно на открытиях науки. Сложилась ситуация, которая случалась в истории человечества не раз, и которая называется «головокружение от успехов». Как известно, такая ситуация чревата крупными перегибами. Эпоха Просвещения не была исключением: она отвергла любые типы знаний кроме тех, которые она считала научными.

А это означало, что отныне изымалась из широкого обращения такие категории, как любовь к ближнему, ответственность за него, мораль, милосердие, сострадание, чувство долга, достоинство, честь, совесть. В «единственно верной» среде научного знания этим «устаревшим» понятиям просто не находилось места. Поэтому Просвещением они были с легкостью подменены эффективностью, формальной логикой, точной, холодной расчетливостью, при которой все проблемы без труда сводились к решению простой бинарной задачи – «выгодно-невыгодно». При этом «выгодность» рассматривалась не с точки зрения всего общества в целом, а с точки зрения индивида или, в лучшем случае, узкой группы индивидов, что в точности совпадало с уже достаточно прочно укоренившейся на Западе протестантской этикой. В этом, по-видимому, и заключается загадочный феномен «уживчивости» и даже тесного сотрудничества многих, по своей сути атеистических, либеральных течений с протестантизмом. Для подстраховки кардинальная подмена ценностей человеческого общества, произведенная эпохой Просвещения, сопровождалась ширококатегорическими демагогическими заявлениями вроде того, что благо успешного индивида неизбежно послужит и благу всего общества.

Будучи поддержанной авторитетом растущего с каждым днем научного знания, как единственно верного способа постижения истины, либеральная идеология окрепла настолько, что принялась за практическую «перестройку» социально-политической системы Запада.

Мыслители Просвещения не были все поголовно пассионариями и революционерами, многих из них вполне устраивала мирная перестройка, в форме просвещенного абсолютизма

(в качестве примера достаточно вспомнить переписку Екатерины II и Вольтера). Но все же в результате именно их усилий эпоха Просвещения закончилась двумя Великими революциями – французской и американской. основополагающие документы этих двух грандиозных исторических событий – «Декларация прав человека и гражданина» и «Декларация независимости» явились практическим воплощением в жизнь либеральных идей всего предшествовавшего периода.

«Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых».

Декларация независимости США

Все горячие сторонники классического либерализма восторженно заявляют, что в этой «вечной» формулировке Томаса Джефферсона – одного из отцов-основателей США – заложены все основные принципы либерализма. Действительно, в ней мы уже не видим упоминаний о первородном грехе, необходимости ежедневного очищения от него и требования критического осмысления каждого прожитого дня с позиций божественного Откровения. Нет здесь и следа от известной установки традиционализма смирения перед лицом любой власти, согласно которой «всякая власть дается от Бога». Формулировка Джефферсона наделяет человека полной свободой от рождения и делегирует ему право на самостоятельную разработку и утверждение властной конструкции. В общем и целом это был воодушевляющий призыв, но черт, как известно, прячется в мелочах. То же произошло и с всеблагим обращением к народу Джефферсона – уже с самого начала победоносного шествия либерализма по планете возникли некоторые неопределенности по поводу того, кого именно следует считать «человеком и гражданином». Этими гордыми словами обозначались отнюдь не все представители рода *homo sapiens*, которым посчастливилось обитать на территориях вновь образованных демократических республик. Во вновь возникшем общественно-государственном устройстве, несмотря на пламенные декларации, с новой силой возродилось деление людей на «избранных» и «отверженных». В значительной мере этому способствовали протестантская этика и кальвинизм с их, уже упоминавшимся, догматом о предопределенности. Обе революции, энергично покончив с аристократической кастой «голубокровых», как с устаревшей, отжившей свой век управляющей надстройкой прежнего общества и государства, вовсе не спешили расставаться с практически бесправной кастой «чумазах». Оправдывалось это расхождение между декларациями и реальной жизнью господствующей протестантской этикой, по которой далеко не всем людям Богом даруется счастье вечного спасения. Согласно всем протестантским учениям, в основе которых лежал кальвинизм, спасению подлежат лишь очень немногие из людей, обитавших и обитающих на Земле. Большинство же из них, еще до их рождения, Бог предопределил к вечным мукам, от которых этих обреченных не может спасти даже самая праведная жизнь. Таким образом, решительно расправившись с иерархией и привилегированным положением аристократии в традиционном обществе; формально провозгласив в декларациях и конституциях нового общества всех людей равными от рождения, новая либерально-демократическая власть, опираясь на догматы протестантизма, фактически тут же снова сделала их неравными и снова по тому же факту рождения. Отличие заключалось только в том, что очевидная «избранность» традиционного общества сменилась тайной «избранничества» либерального общества, тайной, известной одному Всевышнему. Разумеется, воспитанный в духе протестантской этики индивид очень томился этой тайной и, не теряя времени даром, всеми силами души и тела старался доказать себе и окружающим факт своей «избранности». Способ доказательства в условиях молодого, развивающегося капитализма был один – деньги, коммерческий успех,

благодаря которым достигается высокое положение в обществе и, в конечном счете власть. Неудача, разорение, бедность, болезни, несчастья – верные признаки отверженности Богом. Безошибочно определяя таким образом отверженных, пуритане, например, отказывались крестить детей пьяниц.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что иные народы, далекие от христианской культуры или даже христианские, но не слишком спешившие ступить на «столбовую дорогу цивилизации», предложенную протестантизмом и эпохой Просвещения, рассматривались «продвинутым» Западом в целом как народы заведомо отверженные Богом и, следовательно, недостойные его Царства Небесного. Соответственно, в представлениях протестантов-эмигрантов о задачах своей цивилизаторской миссии в новых землях, такие народы, смотря по обстоятельствам, могли быть запросто лишены не только Царства Небесного, но и Царства Земного, причем без особого ущерба для глобальной либеральной идеи неотвратимости общего прогресса человечества. Убедившись, например, в тщетности многих попыток обратить свободолюбивых индейцев в рабов, христиане Дикого Запада принялись их планомерно и методично истреблять, поскольку с точки зрения протестантской этики они были бесполезны и даже вредны для полезного процесса освоения новых земель. «Дикари» встали преградой на пути несомненного прогресса, в его либеральном понимании, и поэтому должны были быть устранены любым способом. Эта важная либеральная установка – устранение любой ценой оков прогресса и всевозможных других помех на пути развития западной цивилизации, в практике либерализма будет играть все нарастающую роль. Многие неудачные попытки миссионеров обратить индейцев в правоверных христиан только подтверждали неспособность «дикарей» следовать примеру «цивилизованных народов». Таким образом, Запад, озаренный светом эпохи Просвещения и либеральными идеями прогресса, решительно поделил все народы мира на прогрессивные, исторические и прочие – реакционные, варварские, неисторические. Он самочинно присвоил себе роль луча света в темном царстве, автоматически причислив к «темным» все те народы, которые избегали всевозможных перестроек и революций и оставались верны своим вековым устоям и традициям.

Русский народ, например, самые передовые европейские умы XIX века, среди прочих и Маркс с Энгельсом, относили к неисторическим, темным, реакционным народам.

1.2.2. Знание – сила, или «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй»

В непрерывной борьбе с традиционализмом за господство над народами мира, либерализм неустанно демонстрировал удивительные способности к изменчивости и многообразию своих форм, являя миру высочайшую степень изобретательности по части приспособленчества к текущей обстановке и окружающей политической среде. Почти всякое значительное новейшее научное открытие, или даже просто гипотеза, тут же находили свое отражение в новых направлениях развития либерализма, создававшихся по горячим следам научных достижений. В результате уже в XIX веке появилось множество форм и течений либерализма. Вот далеко не полный перечень либеральных течений: классический либерализм, политический либерализм, экономический либерализм, культурный либерализм, социальный либерализм и т. д. Несмотря на общность конечной цели – достижение свободы и счастья каждым индивидом, между некоторыми видами либерализма имелись радикальные противоречия в способах достижения этой цели. Так, например, экономические либералы, исходя из «научно доказанного» положения, что экономические законы, как и законы природы, действуют объективно («спонтанный порядок», «невидимая рука»), считали недопустимым вмешательство власти в регулирование социально-экономических процессов, происходящих в обществе, они ограничивали роль государства вопросами обороны и судопроизводства. Социальные либералы же, напротив, выступали

за системно организованную властью социальную защиту населения от голода, холода, болезней. Они считали, что именно поддержка государством систем здравоохранения, образования, науки, и культуры гарантирует наличие равных стартовых условий для успешной конкурентной борьбы – либерального символа процветания любого народа и, соответственно, составляющих его личностей.

Постепенно сложился и закрепился сам процесс конструирования новых либеральных идей и построения на их основе новых идеологических и политических течений. Он был не таким простым, как это может показаться на первый взгляд. Создатели новых социально-политических направлений и мировоззренческих позиций очень избирательно подходили и к прежним, и к новейшим научным открытиям. Они, как правило, отказывались заимствовать вновь появившуюся теорию или гипотезу целиком, без изъятий, а искусно препарировали ее, придирчиво выбирая нужные фрагменты. Остальное, без сожаления, выбрасывалось за ненадобностью. Этот метод синтеза новых либеральных течений наглядно иллюстрируется примером дальнейшего развития упомянутого выше социального либерализма.

В середине XIX века, оперативно отреагировав на новейшие достижения естествознания и философии, в частности на работы немецкого философа Людвиг Фейербаха, социальный либерализм произвел на свет новые направления собственного развития, которые сделали решительный шаг от деизма Просвещения к атеизму и далее, без задержки к материализму.

«Тогда появилось сочинение Фейербаха “Сущность христианства” <...>, снова и без обиняков провозгласив торжество материализма. Природа существует независимо от какой бы то ни было философии. Она есть та основа, на которой выросли мы, люди, сами продукты природы. Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, это – лишь фантастические отражения нашей собственной сущности. <...> Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами. С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, несмотря на все критические оговорки, можно представить себе, прочитав “Святое семейство”».

Фридрих Энгельс «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»

В работе Фейербаха, приведшей в крайний восторг основателей коммунистической идеологии, Маркс и Энгельс признавали только материалистическую составляющую. От Фейербаха-идеалиста, предлагавшего существующую религию заменить новой, «разумной» религией любви к ближнему, они просто отмахнулись.

Примечание. *Практически та же история, еще при жизни, случилась и с самим Марксом. Ознакомившись с высказываниями своих французских последователей, он писал Энгельсу: «Если они так толкуют мои произведения, то я не марксист! Избавь меня Бог от таких марксистов!».*

Особое место в бурном развитии многочисленных новообразованных течений либерализма заняла дарвинская теория о происхождении видов.

Сама идея эволюции, трансформации одних видов живой природы в другие была не новой. Она разрабатывалась еще философами Античности, начиная с Демокрита. Эпоха Просвещения с ее свежее испеченным строго научным подходом к получению новых знаний и проверки старых, создала благоприятную почву для появления ряда новых эволюционных гипотез

и теорий, пытавшихся научным методом объяснить многообразие форм животного и растительного мира. К одной из таких теорий принадлежала теория трансформации Ламарка. Она исходила из предположений об общем стремлении живой природы к прогрессу и о наследовании последующими поколениями приобретенных, благоприятных для развития вида изменений. Однако каких-либо фактических доказательств своей теории Ламарку привести не удалось. Существенное отличие эволюционной теории Дарвина от теории Ламарка состояло в том, что по Дарвину процесс изменения вида происходил случайным образом, на основе случайных мутаций организма. В дальнейшем это изменение, если оно позволяло лучше приспособиться к среде обитания, создавало определенные преимущества изменившегося организма перед неизменившимися. В условиях непрерывно ведущейся борьбы за существование, такое изменение являлось решающим фактором, обеспечивающим «изменившимся» организмам победу над «неизменившимися». Результатом борьбы за существование был позитивный естественный отбор, в котором только у удачно и своевременно менявшихся организмов оставались шансы на выживание и производство следующих поколений; не приспособившиеся, инертные организмы обрекались естественным отбором на гибель. Однако и у теории Дарвина фактические доказательства ее справедливости также совершенно отсутствовали.

Обычным методом проверки научных теорий – прямым экспериментом обе теории до сегодняшнего дня подтверждены не были, но почему-то судьба теории Дарвина разительно отличается от полузабытой теории Ламарка. В чем же тут дело?

Теория Дарвина, также как и многие другие эволюционистские теории, вполне могла оставаться вплоть до наших дней одной среди прочих равных теорий происхождения видов и человека. Однако в ней имелось несколько постулатов, которые произвели очень сильное впечатление на просвещенные умы западных либеральных мыслителей и политиков, что обеспечило именно теории Дарвина сокрушительный успех. Либеральная политическая мысль Запада того времени остро нуждалась в естественнонаучных подтверждениях своих политических идей и соответствующих им концепций построения нового общества, основанного на рациональной системе новейшего научного знания. В теории Дарвина востребованными политикой оказались идеи борьбы за существование и естественного отбора как на межвидовом, так и на индивидуальном уровне. Эти обе идеи «научно» подтверждали и оправдывали существующие в человеческом обществе неравенство, несправедливость, конфронтацию и противопоставлялись традиционным коллективистским идеям сотрудничества и взаимопомощи.

«Могут ли расы или виды людей – все равно, какое мы ни изберем название – подавлять и вытеснять друг друга, так, что некоторые, в конце концов, вымрут? Мы увидим, что все эти вопросы, как это совершенно очевидно в большинстве случаев, должны получить утвердительный ответ, в том же смысле, как и для низших животных».

Чарльз Дарвин «Происхождение человека и половой подбор»

Более того, с либеральной точки зрения, вооруженной новой теорией Дарвина, традиционное представление о божественном происхождении человека и, соответственно, о его высоком предназначении оказывалось полной чужью. Оно сменялось вполне законченной, научно обоснованной теорией о полной случайности его появления на свет, вероятность которой, к тому же, была от начала микроскопически мала. Логическое следствие теории Дарвина сводило великую, чудесную тайну Вселенной – появление Человека – к неожиданному результату нагромождения миллиардов нелепых случайностей. В итоге Человек оказывался не образом и подобием Божьим, а произвольным продуктом каких-то хаотичных химических процессов, произведенных Природой с куском глины или с горстью песка. При этом вся его жизнь полностью теряла даже подобие смысла и неизбежно превращалась в непрерывную борьбу за выживание с точно такими же кусками глины только для того, чтобы неизвестно для каких целей

сохраниться, выжить и в конечном итоге быть отобранной для дальнейшего бессмысленного существования в своих потомках. По сути дела, это был материализм, доведенный до последней крайности. Тем не менее, он с большим воодушевлением был принят на вооружение идеологами вновь появившихся социально-политических теорий.

«Очень значительна работа Дарвина, она годится мне как естественнонаучная основа понимания исторической борьбы классов».

Карл Маркс, письмо Ф. Лассалю, 16 января 1861 г. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 475

Левые и правые радикальные либералы с радостью откликнулись на теорию Дарвина созданием новой социологической теории, распространявшей законы естественного отбора и борьбы за выживание на человеческое общество. Эта теория получила название «социал-дарвинизм» и сводила проблемы развития человеческого общества, прогресса к бескомпромиссной борьбе «нового» со «старым» в условиях непрерывно действующего естественного отбора, в ходе которого новое и лучше приспособившееся к жизни неотвратимо побеждает, а старое и неизменное фатально обречено на гибель.

Как мы уже отмечали, бурное развитие как гуманитарных, так и естественных наук в XIX веке привело к не менее бурному появлению и развитию новых либеральных идейно-политических течений. Эти течения, как правило, искусно синтезировались политическими идеологами на потребу дня из нескольких идеологических направлений и естественнонаучных теорий. Так, например, на основе социал-дарвинизма и расовой теории с ее логическим, торжественно завершающим ее венцом – «сверхчеловеком», возник национал-социализм, завоевавший широкую популярность в Европе в начале XX века.

Таким образом, неустанные теоретические изыскания либеральных идеологов в XIX веке привели к впечатляющим результатам – на белом рыхлом теле либерализма во множестве появлялись и исчезали живые, шевелящиеся, орущие, кричащие и пищущие головки всевозможных видов. Среди прочих появились и четыре новых крупных головы – социал-демократизм, социализм, коммунизм и национал-социализм, из которых, в свою очередь, также принялись расти головки всевозможных форм, размеров и окраски. Нельзя, однако, утверждать, что все то, что произносили или выкрикивали эти головки и головы, мир услышал впервые. Нет, многое из того, что провозглашалось новыми социально-политическими течениями, было известно человечеству и ранее. С античных времен, так или иначе, можно проследить, хотя бы и в самых общих очертаниях, развитие зачатков большинства вновь образованных идеологических направлений, отметить самые значительные этапы их многовекового существования и становления. Но только в XIX веке все эти теории совершили решительный скачок от утопии к науке, послужив фундаментом для образования мощных политических сил – новых политических партий и общественных движений, которые рвались к власти, чтобы теперь на практике опробовать все свои теоретические разработки. Некоторым из этих партий и движений такой прорыв удалось осуществить в наступившем XX веке.

1.2.3. Конец истории

1.2.3.1. Три версии конца истории

На всех этапах своего исторического развития, *homo sapiens*, раздумывая время от времени над бренностью своего бытия, чаще всего приходил к заключению, что, во-первых, та жизнь, которую он ведет и те условия, которые его окружают, очень далеки от совершенства, а во-вторых, что когда-нибудь в светлом будущем каким-то чудесным образом установится такой порядок вещей, при котором все конфликты, противоречия и несправедливости исчезнут из

человеческого общества навсегда, а «все источники общественного богатства польются полным потоком»⁴ на головы всех, без исключения, жителей земного шара. Смысл своих невзгод и страданий он находил в том, что в конце долгого и трудного пути человечеством будет обязательно найдена универсальная формула всеобщего, вечно длящегося счастья, которая достойно завершит этот тяжкий путь. Таким образом, наступит логичный конец истории в смысле социально-политического и экономического развития, который оправдает и увековечит все жертвы, понесенные человечеством на пути достижения им идеальной организации общества. Утешившись этим сладким размышлением, далее *homo sapiens* обычно ронял бесильно голову на грудь и с неизбежной тоской декламировал: «жаль только – жить в эту пору прекрасную уж не придется – ни мне, ни тебе»⁵.

Мысль о неизбежности наступления конца истории или конца света была очень популярной среди многих народов и наиболее полно представлялась, как правило, в религиозных учениях. В буддизме, например, конец света завершает определенный цикл развития вселенной, за которым начинается новый. В христианстве же конец света является единственным и окончательным. По христианской традиции история человечества заканчивается навсегда вторым пришествием Христа на землю и Страшным судом, перед которым предстанут все живые и мертвые. Суд решит дальнейшую судьбу каждого жившего и живущего на земле персонально – гореть ли ему в вечном огне за его грехи, совершенные при жизни, или же бесконечно наслаждаться в Царстве Небесном прогулками по райским садам в приятной компании ангелов и святых. Никакого дальнейшего развития человеческой цивилизации не предусматривалось, число родившихся людей за всю историю их существования больше не могло меняться. Праведники, попавшие в рай, искупившие своей богоугодной жизнью грех Адама, должны были вернуться к тому состоянию, в котором пребывал их праотец до момента поедания яблока, предложенного змеем. Древо познания к моменту Страшного суда, по-видимому, должно было быть беспощадно выкорчевано, чтобы не могло повториться печальное событие начала сотворения мира – изгнание из рая Адама и Евы, и история не приняла бы, как в буддизме, циклический характер. Грешникам, непрерывно горевшим в пламени ада, по понятным причинам было и подавно не до вопросов исполнения репродуктивной функции, поэтому вся многострадальная история человечества на этом заканчивалась.

Марксизм также не удержался от соблазна торжественно объявить конец истории, однако его вариант финала существенно отличался от варианта, предложенного христианством. Согласно истмату, развитие человеческого общества, последовательно пройдя положенные общественно-экономические формации от первобытнообщинного строя до капитализма, неизбежно должно было достичь самой совершенной формы устройства общества – коммунизма, при которой на деле будет реализован заманчивый лозунг – «от каждого по способностям, каждому по потребностям». С построением коммунизма все противоречия и проблемы человечества автоматически уходят в прошлое, и дальнейшее развитие общества неминуемо останавливается, поскольку теряет всякий смысл. История же отдельных человеческих жизней с ее рождением, молодостью, зрелостью, старостью и смертью при этом будет вечно продолжаться. Таким образом, марксизм обещал построить вечный рай на земле, не ставя при этом человечеству неприятное условие расставания с основным инстинктом. Ад по марксизму, в отличие от христианства, устранялся также навсегда вместе с отжившими элементами – эксплуататорскими классами, которые должны были безвозвратно исчезнуть в ходе победоносного строительства коммунизма.

Здесь следует заметить, что постулат марксизма о коммунизме как о высшей и последней стадии развития человеческого общества вступал в явное противоречие с диалектикой Гегеля

---

⁴ Карл Маркс «Критика Готской программы».

⁵ Николай Некрасов «Железная дорога».

и самого же марксизма. Но классикам марксизма как-то удалось обойти эту проблему стороной, хотя трудно поверить, что они ее не заметили. Энгельс, например, в уже упоминавшейся работе, пишет так:

«У всех философов переходящей оказывается как раз “система”, и именно потому, что системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия. Но если бы все противоречия были раз навсегда устранены, то мы пришли бы к так называемой абсолютной истине, – всемирная история была бы закончена и в то же время должна была бы продолжаться, хотя ей уже ничего не оставалось бы делать. Таким образом, тут получается новое, неразрешимое противоречие».

Фридрих Энгельс «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»

Получается, что классик марксизма был больше гегельянцем, точнее приверженцем гегелевского диалектического метода, чем марксистом.

Не заметил или удачно сделал вид, что не заметил этого же противоречия другой поклонник Гегеля – Френсис Фукуяма, опубликовавший в 1992 году книгу под названием «Конец истории и последний человек».

«Дальние истоки данной книги лежат в статье, названной «Конец истории?», которую я написал в 1989 году для журнала «Национальный интерес». В ней я утверждал, что за последние годы во всем мире возник небывалый консенсус на тему о легитимности либеральной демократии как системы правления, и этот консенсус усиливался по мере того, как терпели поражение соперничающие идеологии: наследственная монархия, фашизм и последним – коммунизм. Более того, я настаивал, что либеральная демократия может представлять собой «конечный пункт идеологической эволюции человечества» и «окончательную форму правления в человеческом обществе», являясь тем самым «концом истории». Это значит, что в то время как более ранние формы правления характеризовались неисправимыми дефектами и иррациональностями, в конце концов приводившими к их крушению, либеральная демократия, как утверждается, лишена таких фундаментальных внутренних противоречий».

Френсис Фукуяма «Конец истории и последний человек»

Однако, в оправдание автора, нужно сказать, что для появления в конце XX века книги с таким названием оснований было больше, чем когда-либо.

1.2.3.2. Who is Who?

На протяжении всего XX века либерализм продолжал активно развиваться во всех направлениях, успешно завоевывая все большее жизненное пространство, тогда как традиционализм, принявший форму консерватизма, продолжал сдавать свои позиции одну за другой.

Мощным толчком для дальнейшего победоносного шествия либерализма по планете послужила первая мировая война. К моменту ее начала либеральными идеями были пропитаны не только Европа и Америка, но и Азия: в 1912 году в Китае Синьхайской революцией было провозглашено создание Китайской республики. Хорошо организованные европейские либеральные политические движения, в свою очередь, в полной мере воспользовались катастрофическими последствиями, которые принесла Европе мировая война. Это была война нового, до сих пор неизвестного типа, в которой решающую роль играли научно-технические достижения воюющих сторон: новые типы вооружений, созданные на их базе, наносили невидимые

данные до той поры бедствия и страдания гражданскому населению. Все либеральные агитаторы дружно указали бедствующим народам Европы на оплоты традиционализма – монархические режимы, как на главных виновников небывалых в истории человеческих жертв и неслыханных масштабов разорения. В результате активной пропагандистской работы либеральных партий к концу мировой войны с карты Европы исчезли сразу четыре монархические империи – Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская. На смену им пришли большей частью республиканские формы государственного устройства с либеральной рыночной экономикой – т. е. государственные модели, созданные по образцам классического либерализма.

Во вновь образованных государствах все нарастающую политическую роль стали играть партии именно либерального толка. Наглядно эту тенденцию можно проследить на выборах в немецкий Рейхстаг Веймарской Республики. Социал-демократическая партия Германии неизменно побеждала на всех выборах Веймарской Республики; но, если на выборах в Рейхстаг в 1924 году она опережала консервативную Германскую национальную народную партию на 1 %, то на выборах 1928 года СДПГ оторвалась от ближайшего конкурента уже на 15 %, получив в Рейхстаге в два раза больше мест. Коммунисты на всех выборах Веймарской Республики стабильно держались на четвертом месте.

В первой трети XX века либеральные идеи стали главенствующими в мире – народы мира один за другим отказывались от традиционных монархических режимов в пользу новых политических систем, активно привлекавших учения либеральных мыслителей для построения идеологических, политических и социальных основ нового общества. Одновременно продолжался как количественный, так и качественный рост либеральной идеологии – спектр либеральных партий неуклонно увеличивался, расширялся и углублялся их идеологический и методологический арсенал. Образно выражаясь, из огромного количества философских школ и направлений, не менее значительного числа свежих научных открытий, либеральные политические деятели того времени неумолимо намешивали всевозможные идеологические коктейли, стремясь к тому, чтобы цвет и запах коктейля мог пленить наибольшее число избирателей. В беспринципной погоне за голосами выборщиков даже партии-ветераны с устоявшейся идеологией вынуждены были время от времени менять привкус партийного коктейля, т. е. заимствовать чужие, не свойственные им ранее идеи и лозунги и выдавать их за свои. Для этого перед очередными выборами, они расчетливо подбрасывали в идеологический коктейль своей партии, например, щепоть национализма или пол – чайной ложечки идеи социальной справедливости. Именно поэтому важная задача классификации политических партий по принадлежности к тому или иному идеологическому направлению, по крайней мере, с начала XX века, не имела простого решения. К счастью, тема нашего исследования вовсе не требует выстраивания всех политических сил по ранжиру слева направо, давать им характеристики с определением всех составных частей их идеологических платформ. Нам нужно всего лишь отделить партии, отстаивавшие тогда традиционные взгляды, от партий либеральных направлений, чтобы определить степень влияния либерализма на жизнь и образ мысли народов в XX веке.

Полезной будет попытка решить эту задачу в общих чертах на примере выборов в Рейхстаг Веймарской Республики 1928 года. Тогда мир, уже освободившийся от оков монархического деспотизма, еще ничего не знал о тоталитаризме (за исключением его родины Италии), как возможной модели государственного устройства и поэтому выборы в Германии 1928 года можно признать предельно свободными, а стало быть, близкими к идеальному представлению о подобных мероприятиях вообще. По этой же причине классификацию партий того времени по идеологической направленности можно считать наиболее достоверной. В качестве подсобного материала воспользуемся брошюрой времен Веймарской Республики под названием «Dev

Deutsche Reichstag»⁶, изданной президентом Рейхстага Полом Лебе в Берлине в 1929 году. На цветной вкладке, помещенной в брошюре, представлен зал заседаний немецкого Рейхстага с распределением мест депутатов по партийной принадлежности. Места окрашены во все спектральные цвета, начиная с красного, расположенного в левой стороне зала, и, кончая синим, замыкающим правую сторону. Итак, попробуем определить составы идеолого-политических коктейлей хотя бы для некоторых фракций немецкого Рейхстага образца 1928–1932 гг.

Крайний левый фланг, окрашенный в сочный красный цвет, занимала Коммунистическая партия Германии. Коммунисты выражали крайне левые либеральные взгляды, поскольку были непримиримыми врагами не только традиционного монархизма и аристократических привилегий, но и крупного капитала, независимо от вида источников его происхождения. Коммунисты, как и социал-либералы, были неутомимыми поборниками социальной справедливости, представлявшейся как равенство возможностей всех слоев общества, но в своих представлениях о справедливом обществе они шли дальше социал-либералов и своей целью провозглашали создание бесклассового общества. В коммунистической теории в значительной степени присутствовал и социал-дарвинизм, научно подтверждавший неизбежность отмирания в ближайшем будущем отживших классов. По этой причине коммунисты предлагали особо не церемониться с реакционными представителями этих классов и, по возможности, побыстрее с ними покончить, чтобы они не могли более препятствовать прогрессивному и неизбежному движению человечества к светлому будущему – коммунизму. А в финале, при достижении человечеством высшей стадии развития человеческого общества – коммунизма, должны были отмереть и законы социал-дарвинизма, после чего народная жизнь должна была приобрести черты, явно заимствованные из идеалистических грез традиционного общества: устанавливалось царство благородных людей – полубогов, не знающих зависти, ненависти, корысти, разочарований, обладающих равными правами и возможностями, высочайшей мудростью, человеколюбием, милосердием и ведущих разумную, счастливую жизнь.

---

⁶ *Der Deutsche Reichstag* — немецкий Рейхстаг (пер с нем.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.